

Научная статья
УДК 902.94
DOI 10.46698/d3344-2510-5003-h



В.Т. Чшиев



М.Ч. Чшиева

Кинжалы из некрополя кобанской культуры у селения Эльхотово в Северной Осетии как исторический источник по военному делу населения Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа

Владимир Таймуразович Чшиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ, hacht@mail.ru.

Мая Черменовна Чшиева

Горский государственный аграрный университет, доцент кафедры философии и истории, кандидат исторических наук, Россия, Владикавказ, hacht@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются кинжальные клинки из погребений IX– VIII вв. до н. э. Эльхотовского могильника кобанской культуры. Анализ данной категории вооружения свидетельствует о бытовании здесь нескольких типов клинкового оружия, что свидетельствует, в том числе, о широких межплеменных связях населения, оставившего этот могильник.

Ключевые слова: клинковое оружие, кобанская культура Кавказа, древняя история Северного Кавказа

Для цитирования: Чшиев В.Т., Чшиева М.Ч. Кинжалы из некрополя Кобанской культуры у селения Эльхотово в Северной Осетии как исторический источник по военному делу населения Кавказа эпохи поздней бронзы-раннего железа // Вестник Владикавказского научного центра. 2025. Т. 25. № 4. С. 7–10. DOI 10.46698/d3344-2510-5003-h

Daggers from the Koban culture necropolis as a historical source on military matters (Elkhotovo village, North Ossetia) as a historical source on the military arts of the late bronze-early iron age population of the Caucasus

Vladimir T. Chshiyev

Center for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD., Russia, Vladikavkaz, hacht@mail.ru

Maya Ch. Chshiyeva

Gorsky state agrarian university, Department of Philosophy and History, Associate Professor, PhD., Russia, Vladikavkaz, hacht@mail.ru.

Abstract. The article examines dagger blades from burials dating back to the 9th and 8th centuries BC in the Elkhotovsky burial ground of the Koban culture. The analysis of this category of weapons indicates the existence of several types of bladed weapons, which also suggests the existence of extensive intertribal connections among the people who left this burial ground.

Keywords: bladed weapons, the Koban culture of the Caucasus, and the ancient history of the North Caucasus.

For citation: Chshiyev V.T., Chshiyeva M. Ch. Daggers from the Koban culture necropolis as a historical source on military matters (Elkhotovo village, North Ossetia) as a historical source on the military arts of the late bronze-early iron age population of the Caucasus // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. 2025. Vol. 25. No. 4. P. 7–10. DOI 10.46698/d3344-2510-5003-h

Эльхотовский могильник кобанской культуры расположен в предгорьях Республики Северная Осетия-Алания, на правом, возвышенном, берегу р. Терек. Раскопки на памятнике производились с 1996 по 2005 г. [1; 2; 3].

Несмотря на относительно небольшое количество мужских воинских погребений Эльхотовского могильника – 15, от общего числа в 59 захоронений – тем не менее материалы памятника представле-

ны достаточно большим количеством предметов вооружения, свидетельствующих о высокой степени военизированности населения, оставившего некрополь. В частности, в каждом из точно установленных мужских погребений (часть захоронений разрушена и ограблена) находились те или иные предметы вооружения (копья, кинжалы, топоры, стрелы). Из 15 мужских захоронений могильника в 5 находились клинки кинжалов, по одному в каждом из этих по-

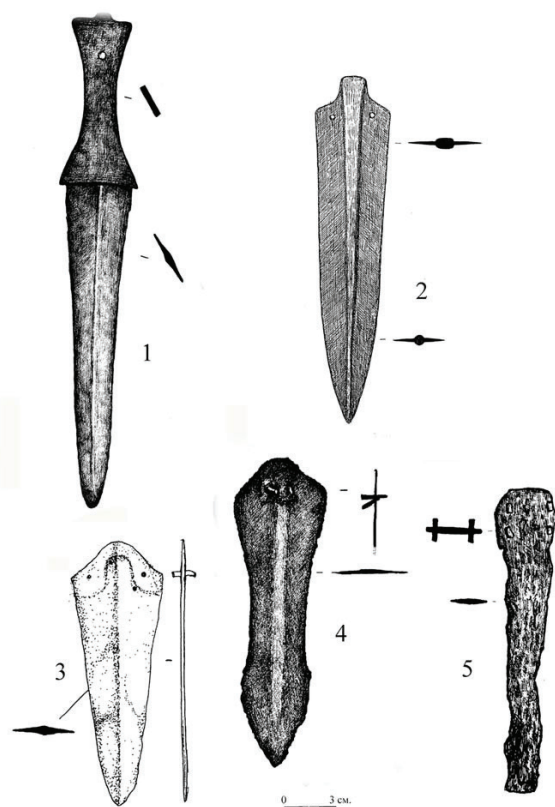


Рис. 1

гребений. Это бронзовый цельнолитой кинжал из погребения № 41, бронзовые клинки из погребений 73, 45 и 91 и железный клинок из погребения 52.

Клинок кинжала из погребения 41 – обоюдоострый, вытянуто-подтреугольной формы, срединное ребро треугольной формы, в сечении клинок кинжала представляет собой вытянутый ромб (рис. 1, 1). Рукоять отлита вместе с клинком. В плане представляет собой пластину с плавным сужением в центре. В сечении – вытянутый прямоугольник. Нижняя часть рукояти (в месте перехода ее в клинок) – прямая, широкое перекрестье, с небольшими плечиками, выступающими за режущую кромку клинка, плавно сужаясь, переходит в ручку и, далее расширяясь, образует навершие. Прямая верхняя часть последнего имеет небольшой выступ в центре, прямоугольной формы. В месте перехода навершия в ручку имеется и отверстие диаметром 4 мм. Режущая часть лезвия клинка кинжала тонко откована и заточена.

Аналогии данному кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известны. На наш взгляд, по внешним очертаниям эльхотовский цельнолитой кинжал напоминает кинжалы так называемого «переднеазиатского» типа, с составной рукоятью и заполнением или накладками и вставками из дерева, известные на западе РСО-Алания – в Дигории, Южной Осетии – в Тлийском и Стырфазском могильниках и в Закавказье – сел. Кедабек и т. д.

Также в Закавказье цельнолитой кинжал с рукоятью похожих очертаний, но с закраинами для накладок известен из сел. Гари (в Раче) [4, с. 106, рис. 89, 13–14; 5, с. 275, рис. 26, 1; 6, табл. XXIX, 7; 7, с. 67, рис. 25, 3, 6)]. Как отмечалось, прямые аналогии кинжалу из материалов кобанской культуры нам не известны, однако по некоторым характерным деталям можно проследить его прототипы и близкие ему параллели. Такой важной деталью является форма перекрестья, плавно «охватывающая» клинок с небольшим выступом и переходящая в ручку, где последняя, постепенно расширяясь, переходит в навершие с прямой верхней частью, снабженной небольшим выступом по центру (вероятно – литник). Кинжалы, имеющие в плане подобную форму рукояти (с сужением в середине, сочетающуюся с клинком вытянуто-подтреугольного типа), известны в материалах Верхнекобанского и Тлийского могильников [8, табл. IX, 2; 4, с. 106, рис. 89, 12]. Так, в погребении № 176 Тлийского могильника был найден бронзовый кинжал с рукоятью, снабженной костяными накладками. Форма рукояти этого кинжала, в плане, аналогична форме эльхотовского. Клинок кинжала из погребения № 41 имеет слабо выраженное подтреугольное сечение, и по этому признаку также имеет аналогии в относительно ранних материалах Тлийского могильника (тип 3 по классификации Б.В.Техова) [4, с. 96, с. 90, рис. 83, 19–21]. На наш взгляд, форма рукояти кинжала из погребения № 41 также весьма близка очертаниям рукоятей некоторых кинжалов так называемого «переднеазиатского типа». Эта близость обусловлена тем, что как «переднеазиатские», так и эльхотовские кинжалы предполагают наличие накладок на уплощенную бронзовую рукоять. Бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа из Кумбулта, по мнению Т.Н. Нераденко, сделан на Кавказе под влиянием переднеазиатских или закавказских прототипов и вследствие этого отличается от последних рядом признаков [9, с. 59–61, табл. 1, 4]. Этот кинжал по форме (в плане) весьма близок нашему из погребения № 41. Связывает их еще и наличие отверстий на рукояти – семь на кумбултинском и одно на эльхотовском экземпляре. Возможно, кинжал из Эльхотово представляет собой синкретичную форму, соединяющую в себе производную от кинжалов «переднеазиатского типа» (к примеру, кинжалы из Фаскау и Кумбулта) и перекрестие, типичное для кобанских клинков [8, табл. XCVII, 4]. Представляется, что здесь прослеживается определенный канон, заключающийся в разнообразных сочетаниях рукояти переднеазиатского типа и перекрестья кобанских форм. Синкретизм форм, восходящих, вероятно, к каким-то более ранним прототипам, который проявляется как в материалах северного склона Главного Кавказского хребта, так и южного, с преобладанием пока что южных закавказских находок [6, с. 44, табл. IX–XXIX]. В вопросе о поиске исходной формы для этой синкретической категории предметов, вероятно, близким к истине

является мнение С.Л. Дударева, полагающего, что прототипами северокавказских кинжалов с однокольчатым орнаментом на рукояти следует считать переднеазиатские образцы [10, с. 105]. В таком случае кинжал из погребения № 41 может быть одной из линий развития той типологии кинжалов, более ранними звеньями которой являются кинжалы из Кумбулты и Гари [6, табл. XXIX, 7]. Во всяком случае, относительно других материалов Эльхотовских комплексов, данный кинжал относится к ранней категории и может быть отнесен ко времени середины – конца IX в. до н. э.

Из погребения № 73 происходит бронзовый клинок кинжала вытянуто-треугольной формы, с резко выделенным подпрямоугольным в сечении срединным ребром (рис. 1, 2). В области перекрестья имеется прямоугольный заостренный выступ для насаживания на рукоять. В верхней части клинка пробито два отверстия для шпеньков, посредством которых, вероятно, к клинку прикреплялась деревянная, несохранившаяся рукоять.

Прямая аналогия нашему кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известна, однако в материалах Тлийского могильника есть экземпляры, сходные с ним. Это некоторые варианты бронзовых кинжалов, отнесенные Б.В. Теховым к третьему типу тлийских кинжалов [4, с. 90, с. 96, рис. 83, 21]. Необходимо отметить, однако, что срединное ребро тлийских кинжалов третьего типа – треугольное, а нашего – прямоугольное.

В погребении № 45 находился клинок кинжала с сужением в средней части, насадом подтреугольной формы и двумя отверстиями в последнем (рис. 1, 3). В отверстиях сохранились бронзовые круглые в сечении шпеньки для закрепления несохранившейся, вероятно деревянной, рукояти. Срединное ребро на клинке слабо выраженное, по форме – полуовал. Кинжал, имеет следы выраженной амортизации, неоднократно проковывался и подтачивался. Возможно, форма ребра на эльхотовском кинжале изначально была сделана в классической для кобанских клинков этого типа подпрямоугольной форме, однако в результате применения и дополнительных проковок оказалась «смазанной». Кинжал близок морфологически клинкам второго варианта первого типа по классификации В.И. Козенковой. В частности, это клинок из погребения в каменном ящике № 1 Инжиичукунского могильника, датируемый рубежом 2–1 тыс. до н. э. Подобные клинки характерны для кобанской культуры с раннего периода и «доживают» до VIII в. до н. э. [11, с. 50, табл. VIII, 4].

Кинжалы с сужением в средней части широко представлены также в Тлийском и Стырфазском могильниках, где они датируются временем от рубежа 2–1 тыс. до н. э. до начала 1 тыс. до н. э. [4, с. 98, рис. 84; 5, с. 263, рис. 12]. В целом данный кинжал является одним из наиболее ранних артефактов в материалах Эльхотовского могильника и может быть продатирован в рамках середины IX – середины VIII в. до н. э.

В погребении № 91 находился бронзовый клинок вытянуто-треугольной формы и насадом подтреугольных очертаний (рис. 1, 4). В насаде клинка (перекрестье) сохранился бронзовый шпенец для закрепления рукояти. Судя по слабозаметному отличию цвета окислов на насаде клинка, деревянное перекрестье охватывало края насада в виде дуги. Срединное ребро клинка кинжала треугольной формы. Клинок прокован и остро заточен. Клинок относится к первому варианту первого типа по классификации В.И. Козенковой. В памятниках восточного варианта на эфесе кинжалов данного типа присутствуют от пяти до двух отверстий для скрепления с рукоятью. При этом В.И. Козенкова отмечает: «Типологически наиболее поздними ... были клинки с двумя отверстиями» [12, с. 62, 85, рис. 8, 4]. Ближе всего к нашему – некоторые кинжалы из Верхнекобанского могильника и кинжалы из Пседаха (раскопки В.И. Козенковой). Датируются кинжалы этого типа (первый вариант первого типа) В.И. Козенковой в рамках X–VIII вв. до н. э. [13, с. 19, 155, табл. XIV, 3].

Единственный найденный в Эльхотовском могильнике железный клинок кинжала находился в погребении № 52 (рис. 1, 5). Клинок вытянуто-подтреугольной формы, перекрестье / насад заovalенное, сечения клинка – вытянуто-линзовидное. В месте насада имеются четыре отверстия, в которых сохранились бронзовые, подпрямоугольной формы в сечении шпеньки, для закрепления рукояти. Погребение № 52, где был найден клинок, потревожено и ограблено в древности, вследствие этого кончик клинка утрачен. Но не вызывает сомнений, что он был треугольной формы. Железо, из которого сделан клинок, достаточно высокого качества. Полная аналогия нашему клинку в материалах кобанской культуры нам не известна. В то же время, по форме клинка, его сечению и способу крепления рукояти эльхотовский экземпляр обнаруживает близость с железными кинжалами из могильника «Лермоновская скала (у реки)» – погребение № 2 1989 года и поселения Клинь-Яр [14, с. 236, 243, рис. 9, 1; с. 266, 268, рис. 2, 1]. В последнем случае, на кинжале из поселения Клинь-Яр, совпадает с эльхотовским и количество отверстий и шпеньков для насада – 4. Железные кинжалы разных форм, снабженные отверстиями в насаде и бронзовыми шпеньками, известны в материалах скифского времени Тлийского могильника, однако они резко отличаются от нашего по форме, в первую очередь, насада / перекрестья [15, с. 334, табл. 53, 5, с. 344, табл. 63, 3, с. 364, табл. 82, 2].

На наш взгляд, кобанские мастера, изготовившие эльхотовский кинжальный клинок, ориентировались на классические бронзовые кинжалы с треугольным клинком и подтреугольным или овальным насадом. То есть морфологически кинжал подражает еще бронзовым кобанским экземплярам. Об этом свидетельствует форма насада / перекрестья и традиционные бронзовые шпеньки для насада деревянной

рукояти. Позднее, как известно, северокавказские кинжалы из железа отковывались целиком. На примере рассматриваемого кинжала можно наблюдать, как новый эффективный металл входил в обиход эльхотовских «кобанцев». Здесь видно, что приемы работы с ним и формы оружия пока соблюдают многовековую традицию. Мастер пробил в железе отверстия для бронзовых шпеньков крепления, а не отковал рукоять вместе с клинком, как это стало практиковаться позднее, в VII–VI вв. до н. э. По материалам комплекса, где был найден данный кинжал, он датируется второй половиной VIII в. до н. э.

Учитывая количество непотревоженных мужских погребений могильника (всего – 7), т. е. почти

половина всех мужских захоронений памятника, можно предполагать, что данный вид оружия был весьма типичен для комплекта вооружения населения, оставившего могильник.

Заслуживает внимания и то, что все рассмотренные клинки, хотя и происходят из одного памятника, относятся к разным типам. И если отличие железного клинка из погребения № 52 можно связать с его относительно поздней датой, то хождение в военной среде «эльхотовских кобанцев» весьма разнообразных типов клинкового вооружения свидетельствует, вероятно, о широком векторе культурных связей населения, оставившего этот памятник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чийев В.Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // МИАР / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. – М.: ИА РАН, 2001. Вып. № 3. С. 45–51.
2. Чийев В.Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2004. Вып. № 4. С. 273–286.
3. Чийев В.Т. 2007. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии / Отв. ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. Т. 1. С. 178–293.
4. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. – М.: Наука, 1977. 238 с.
5. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. – Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.
6. Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. 230 с.
7. Крупнов Е.И. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // ВИМК. – М.–Л., 1958. № 1. С. 72–82.
8. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. Вып. VIII. 420 с.
9. Нераденко Т.Н. К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа

- (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. – Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 57–63.
10. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.) – Армавир: ЦАИ АГПИ, 1999. 401 с.
11. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Систематизация и хронология. Западный вариант // САИ. Вып. В 2–5 / Отв. ред. В.Г. Петренко. – М.: ИА РАН, 1995. 166 с.
12. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. редактор А.Б. Белинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. Вып. III. 232 с.
13. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ / Отв. ред. Н.Л. Членова. – М.: Наука, 1982. Вып. В 2–5. 175 с.
14. Сборник научных трудов Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. – М.: Илекса, 2011. 558 с.
15. Техов Б.В. Тайны древних погребений: Археология, История, Этнография. – Владикавказ: ПРОЕКТ–ПРЕСС, 2002. С. 512.

REFERENCES

1. Chshiev V. T. Elkhotosky burial ground of the Koban culture – a new monument of the history of North Ossetia of the Late Bronze Age // MIAR / Ed. by M.P. Abramova, V.I. Markovin. – M.: IA RAS, 2001. Issue No. 3. Pp. 45–51.
2. Chshiev V.T. Armament set from burial 41 of the Elkhotosky burial ground of the Koban culture // Materials and studies on the archaeology of the North Caucasus / Ed. by E.I. Narozhny. – Armavir: Editorial and publishing center of the AGPU, 2004. Issue No. 4. Pp. 273–286.
3. Chshiev V.T. 2007. Monuments of the Koban Culture in North Ossetia // Archaeology of North Ossetia / Edited by A.A. Tuallagov. Vladikavkaz: Publishing House of the SOIGSI named after V.I. Abaev, 2007. Vol. 1. – Pp. 178–293.
4. Tekhov B.V. Central Caucasus in the 16th–10th Centuries BC. – Moscow: Nauka, 1977. 238 p.
5. Tekhov B.V. Archaeology of the Southern Part of Ossetia. – Vladikavkaz: Ir, 2006. 639 p.
6. Kufitin B.A. The 1945 Archaeological Expedition to South Ossetia and Imereti. – Tbilisi: Publishing House of the Georgian SSR Academy of Sciences, 1949. 230 p.
7. Krupnov E.I. On the Ancient Relations of the South of the USSR and the Caucasus with the Countries of the Near East // VIMK. – Moscow-Leningrad, 1958. No. 1. Pp. 72–82.
8. Uvarova, P.S. Burial Grounds of the North Caucasus // Materials on the Archaeology of the Caucasus. – Moscow: A.I. Mamontov Printing House, 1900. Issue VIII. 420 p.
9. Neradenko T.N. On the Chronology of Southern Loans in the Late Bronze Age Monuments of the North Caucasus (on the Example of Bronze Weapons) // Ethnocultural Problems of the Bronze Age in the North Caucasus / Ed. by T.B. Turgiev. – Ordzhonikidze: RIO SSU, 1986. Pp. 57–63.
10. Dudarev S.L. Relations of the North Caucasian tribes with the nomads of South-Eastern Europe in the pre-Scythian era (IX–first half of the VII century BC). Armavir: CAI AGPI, 1999. 401 p.
11. Kozenkova V.I. Weapons, military and horse equipment of the tribes of the Koban culture. Systematization and Chronology. Western Variant // SAI Vol. 2-5 / Ed. by V.G. Petrenko. – Moscow: IA RAS, 1995. 166 p.
12. Kozenkova V.I. At the Origins of the Mountainous Mentality. The Late Bronze and Early Iron Age Burial Ground near the Village of Serzhen-Yurt, Chechnya // Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus / Edited by A.B. Belinsky. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 2002. Issue III. 232 p.
13. Typology and Chronological Classification of Objects of the Koban Culture. Eastern Variant // SAI / Ed. by N.L. Chlenova. – Moscow: Nauka, 1982. Vol. 2–5. 175 p.
14. Collection of Scientific Works by Sergey Leonidovich Dudarev: Articles, Materials, and Reviews. On the 60th anniversary of his birth. – Moscow: Ilexa, 2011. 558 p.
15. Tekhov B. V. Secrets of Ancient Burials: Archaeology, History, Ethnography. – Vladikavkaz: PROEKT – PRESS, 2002. 512.